
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-26

**Адыгская детская литература начала XX в.:
изученность и мотивация***Хуако Ф.Н. – академик АМАН*

Литература, составляющая понятие литературы «детской» варьируется в своей систематизации. Как предпочитают подходить к ее классификации современные ученые, она составляет три группы (как разделяемые, так и способные пересекаться), в частности: 1) литература, касающаяся детей и делающая их своими персонажами; 2) литература взрослая, но осваиваемая детской возрастной группой; 3) произведения, адресованные читателю-ребенку. Объектом нашего рассмотрения в данной, ограниченной по объему, работе выступает именно третья группа применительно к адыгским авторам.

Проведение поэтапного рассмотрения детской литературы можно считать достаточно сложной постановкой проблемы. Как подчеркивает современный ученый Т.В. Соловьева, «Сразу возникает ряд вопросов: какие критерии класть в основу – направления, страны, жанры, темы? Можно ли в рамках одного текста говорить о романе, сборнике стихов и кулинарной книге? И это лишь формальные признаки, с содержательными все еще сложнее» [1, с. 107]. И потому можно смело говорить о малой изученности данной проблематики в отечественном литературоведении, что еще более относимо к младописьменным литературам. К примеру, выделяемые М.А. Шхабацевой в народном творчестве адыгов детские величальные песни, складывавшиеся в честь рождения ребенка, находили достаточно редкое освещение в научных трудах. Здесь можно упомянуть лишь единичные разработки. Так, З.М. Налоев, М.А. Джандар, Р.Б. Унарокова производят наблюдения касательно ролевых установок этих фольклорных текстов, специфики их отнесенности к проявлениям обряда и ритуала. Но в целом, М.А. Шхабацева делает удручающий упор на малой изученности посвященной детям литературы.

Однако уже в ранних тематических трудах начинает производиться акцент на жанровой систематичности, обусловленной именно как социальным, так и этническим фактором. Уже тогда отмечалось, что преобладающее внимание к определенному жанру обусловлено конкретными стадиями общественно-политического, а также внутреннего мира как, в частности, самого пишущего, так и, в общем, всего литературного мира. Так, к примеру, ранние адыгские литературоведы (А.А. Схалыхо, Д.Г. Костанов) описывали

специфику творчества зачинателя адыгской детской литературы К. Жанэ с акцентированием в ней лирической струи.

И лишь ближе к концу XX в. можно говорить о некоторой начавшейся активизации в области изучения отечественными учеными адыгской детской литературы. Воплощением сего явился ряд работ в региональном научном журнале (АГУ) под авторством работников факультета начальных классов Адыгейского государственного университета Л.Д. Щербашиной, Л.В. Грибиной, Л.М. Пазовой, И.В. Бочкаревой. Как отмечает цитирующая эти работы сегодня Б.М. Лямова, «Исследование Л.В. Грибиной привлекает систематическим изложением фактов, относящихся к истории адыгейской детской литературы, характеристикой творчества как первых авторов книг для детского чтения (И.С. Цея, Р.А. Меркицкого), так и зачинателей адыгейской детской литературы К.Х. Жанэ, Дж. Чуяко, И.Ш. Машбаша» [2]. Здесь немного не согласимся с молодым автором в части разделения понятий «зачинатель» и «первый автор», поскольку считаем именно И. Цея первым автором, а потому и зачинателем, а перечисленные далее адыгские авторы выступили также в роли зачинателей (по сути, но не по хронологии), но уже несколько позже. Ну, а в ключевом положении цитаты, касающемся работ педагогов АГУ, мы с Б.М. Лямовой полностью согласны. Вообще психологическое влияние литературы на индивида, рассматриваемое также и иными, причем не только литературоведческими, но и педагогическими, и даже методическими работами, позволяет приходиться к выводу о востребованности назначения специализированного места в педагогическом ходе литературным предметам, с учетом при этом такого нешуточного фактора, как этно-компонент.

Выраженная в недавнем 2013 г. статья Л.А. Энеевой и Ф.Д. Татаровой «Нравственное формирование личности учащихся на ценностях произведений родной и русской литературы» [3] устойчиво проводит упоминавшуюся нами в более ранних исследованиях, применительно к монографии профессора Т.Н. Чамокова («Смена эпох и достоинство слова», Майкоп, 2012) тему. Встраивая целую шеренгу ракурсов и сторон базовой воспитательной единицы, авторы данной работы детально анализируют исполнение такого компонента в существующей образовательной системе. Сопровождается такой анализ иллюстрацией из вероятных социальных проблем, обрушивающихся сегодня на постигающего педагогику специалиста, несмотря на перечисление авторами многочисленных имеющихся у него профессиональных качеств. Потому на аналогичном преддверии весьма обоснованным выглядит утверждение о неоспоримой злободневности такого исследования, за которым следует рассмотрение производимых посредством текстов национальной и общей отечественной литературы этапов личностного становления (с

указанием ожидаемых и выверенных новых методов).

Соответственно и в другой работе одного из приведенных ученых, Ф.Д. Татаровой «Использование воспитательного потенциала произведений родной и русской литературы в нравственном воспитании учащихся культуротворческой национальной школы» совершается подобная концептуальная разработка. Разумно исходя из предположения об имеющейся в сегодняшнем социуме потребности брать в расчет этнический элемент при преподавании, Ф.Д. Татарова новаторским видит прикладное применение духовно-насыщенного ресурса различных национальных и отечественных литератур. Продолжим мысль. Все советские годы потенциал литературы в формировании морально- устойчивого гражданина считался незыблемым. В постсоветское время такая глыба сильно пошатнулась и в итоге разрушилась, что отразилось и на полном выведении литературы из интересов учащегося, что обозначаем как ханжеское отдаление, отделение (и даже – разрыв) современной школы и литературы, произошедшие в последние двадцать пять лет в России. И к тому же сегодня, помимо указанного отдаления, имеется еще и опасность некоего растворения детских произведений в потоке текстов взрослой литературной ветви. Именно ограждением и профилактическим освещением ее от этого должна заниматься соответствующая профессиональная критика. Как отмечает по этому поводу Т.В. Соловьева, трудности и здесь в разгаре: «Об этом напоминают сами детские писатели, сетующие, что серьезные критики детскую литературу обычно не замечают либо походя выносят ей обвинительный приговор (см. например, статью Е. Усачевой «Литература Шредингера» – «Урал», 2013, № 12). Ситуация усложняется тем, что в большинстве случаев критика детской литературы пишется самими же литераторами, работающими в этой области, что приводит к практически неизбежному «перекрестному опылению» и взаимной комплиментарности» [1, с. 92]. Таким образом, число профессиональных квалифицированных критиков в сфере детской литературы сегодня лишь уменьшается, а требующие рассмотрения новые детские произведения «остаются за бортом» общественного внимания и признания. Рассмотрев таким путем изученность детской литературы перейдем далее к истории ее развития в адыгской национальной среде.

В адыгском художественном сознании именно имеющиеся черты этнического менталитета акцентировали на себе внимание классиков адыгской литературы XX в. и, в первую очередь, их послереволюционной череды: Т. Керашева, И. Цея, С. Сиюхова, А. Евтыха, А. Хаткова, М. Паранука и проч. Произведения же интересующей нас детской литературы, которые можно считать «стартовыми», возникли между первой и второй половиной 30-х гг. XX в. Художественные творцы, имевшие серьезное представ-

ление о фольклоре, решались использовать его сюжетику и поэтику в ходе создания своих сказок и поэм. Стихотворец Ибрагим Цей, отлично владевший мощным фольклорным ресурсом, подарил детям примечательную стиховую сказку «Заячья тризна», которая справедливо считается первым художественным произведением адыгского автора, адресованным ребенку. В глубинах стремительно появлявшихся плодов новой формы прослеживались не только художественные черты взрослой адыгской литературы, созревало и то, что обозначается как детская литература во всей ее жанрово-стилистической, композиционной и тематической специфике. Также возникли такие сказки-поэмы, как «О том, как старый кот превратился в хаджи-эфенди» Ахмеда Хаткова, «Старик и старуха» Рашида Меркицкого и проч. На начальном фланге подобных словотворцев заметно упрочилось имя Киримизе Жанэ, который вознес детскую строку на небывалый прежде уровень. Из 30 книг К. Жанэ не меньше 20 адресовано ребенку. Преимущественно это поэзия, собранная в адыгоязычных («Апэрэ къэгъагъ», «Зэныбджэгъ-ухэр», «Тэтэжърэ сэрырэ», «Жьогъо плъыжь», «Зэныбджэгъу ц1ык1ухэр», «Сыд пае?») и русскоязычных книгах («Дети аула», «Ребята с нашей улицы», «Для младших сестер и братьев», «Друзья и подружки», «Как Хазрет уходил на скачки», «Первый цветок», «Дед и внуки», «Сколько мне сегодня лет?», «Неразлучные друзья» и др.). Он выделял в произведениях, адресованных ребенку, духовно важные вопросы, старался найти решение не упрощенно, а осваивая детский мир. Одновременно и лирика патриотического, гражданского настроения, как то «Я славлю руки человека», «У адыгов обычай такой», военные стихи и поэмы, стихи о герое ВОВ Х. Андрухаеве и его матери. Как подтверждают и объясняют такой факт авторы посвященного поэту пособия, «Зерна этой поэтической настроенности следует искать в родителях – отце Хаджимусе и матери Суретхан. «Если бы не мама, я никогда не стал бы писателем. Она малограмотная была, наша мама, зато какая рассказчица. А сколько знала она адыгейских народных сказок, былин!» [4, с. 24].

Неизменная готовность принять участие в джегу (свадьбе), шихьяф (массовой благотворительной акции), чапц (коллективном уходе за больным) либо других обще-аульских мероприятиях, входящих в перечень обязательных по адыгскому кодексу чести, также не могло не повлиять на моральный и личностный задел формирующегося юноши. Причем, специфическим и безусловно значимым элементом общепринятой в любой нации духовной ниши выступает язык, выполняя тем самым непререкаемую функцию этнического воспитания. И потому, применительно, в частности, к становлению К. Жанэ как детского поэта, начальными его образовательными учреждениями оказались именно общеаульские сборы (хачеци) в домах пожилых

и мудрых соседей. Здесь подросток мог насладиться и проникнуться сказками, песнями своих предков в исполнении почитаемого им талантливое земляка. Тем самым информационная среда создается с помощью прямой коммуникации, включающей этикетные обороты, ритуальные формулировки, отработанные веками ситуативные шаблоны, фразеологический, паремнологический языковой запас и проч. Многие, освоенные поэтом на таких собраниях, языковые и сюжетные средства пригодились ему в собственном творчестве (к примеру, пословицы-поговорки и сказки применены в произведениях малой прозы («Мудрые слова», «Как услышать сказку» и т.д.). В целом, таким путем усилилось внимание детского автора К. Жанэ к земляческому быту, воспроизведенному в таких жанровых проявлениях фольклора. Получатель не только принимает определенную языково-обозначенную информацию, однако при восприятии этно- оформленных фольклорных текстов в его мышлении рождаются весьма наглядные лики и ассоциации. По свидетельству авторов посвященного К. Жанэ пособия, «Традиции и обряды, ритуалы и приметы тепло и поэтично описаны в рассказах «Счастливая примета», «Выбор профессии», «Как услышать сказку» [4, с. 22].

Традиционно признано (фактически в любой науке гуманитарного цикла), что добро и зло есть оценочные шаблоны нравственного пространства, каковые в максимально общей конфигурации предполагают моральный, превозносимый социумом, позитив и моральный, осуждаемый социумом, негатив. Ими, такими кардинально противоположными критериями, и определяется испокон веков человеческая нравственность, помогающая индивиду строить мотивационную модель своего поведения. Мотивация в текстах детской литературы (к общим категориям которой мы относим (1) семью, (2) щедрость и благородство воина, (3) труд) устойчиво пересекается с фольклором.

Названные мотивационные упоры оставались активны постоянно и в реальности, и в науках (этика, культурология, этнопедагогика). Следовательно, поэтому розыски нестандартного образного выражения либо неподвижного зигзага в его действии состоится в первую очередь в этнической языковой кладези. Как было установлено вышецитируемой нами М.А. Шхабацевой, стержневым мотивом в изучаемых ею колыбельных и величальных песнях адыгов, адресованных новорожденным обоим полов, оказывается призыв к богу на предмет дара именно счастливого будущего (к примеру, успешного замужества, – девочке, или удачной женитьбы – мальчику). В зависимости от исполняемой таким призывом миссии, М.А. Шхабацева делит призывы на три типа: «В предрекательных ребенка наделяют желаемыми качествами. В благопожелательных песнях желают благополучия, здоровья, счастливой жизни. Предохранительную выполняет и вели-

чальная песня, и обряд, к которому она приурочена» [5, с. 227]. По виду изложения песенные тексты оказываются повествовательными, но налицо в фольклоре, и в детской литературе уже позже, также и желание преодолеть границы описательной последовательности изложения с предпочтением внутренне-выверенной тональности лика, передаваемой путем цвето- звуковой и эмоционально-окрашенной модели восприятия, имеющейся у получателя.

Применительно к семейному мотивационному полю можно упомянуть опять нашего классика детского текста К. Жанэ. Его перо отличается плодотворным пересечением характеров младшего- старшего, воспроизводимое в уникальной родовой ячейке. Непосредственно семейная ячейка выступает домом в посвященных ребенку произведениях К. Жанэ. Автором было традиционно предпочтительно логическое и зрительное распределение островка детских забот на общеглобальных, буквально, – планетарных, высотах. Такое расширение территорий оставляло, тем не менее, за представленным в изложении героем право на возрастную и этническую самобытность. К примеру, немало произведений К. Жанэ посвящено именно минимальным малышам как отдельному семейному клану, становящемуся и способному на поступки (не всегда благие, порой дерзкие, но живые): «Как внуки запутали бабушку», «Первые шаги», «Нарисованное письмо» и др., с обязательно любимыми образами строгих родителей, доброжелательных бабушки-дедушки и опекаемых младших, каждый из которых чтит хабзэ и уважаем близкими.

Переходим ко второму из выделяемых нами мотивов. В рассматриваемых М.А. Шхабацевой величальных песнях мальчику советуют выступать бесстрашным, героическим бойцом, защищающим свою Отчизну и свой дом. Потому подобные морально-этические каноны и оказали влияние, к примеру, на художественную мотивацию Ц. Теучежа, которую он после и продолжил в своей лирике («Война с князьями и дворянами», «Песня о Бзюкской битве», «Мафоко Урысбий» и проч.). Берущему оружие рыцарю предки наказывают оставаться душевным, щедрым, отзывчивым с другими. Склонность к несколько возвышенным героическим мотивам, присущим романтизму и обязательным для национального адыгского эпоса просматривается достаточно отчетливо в уже тогда имевшей место лиризации явлений действительности (как военной, так и бытовой). Такая склонность интересов привела в итоге к некоему твердому и неумолчному воспеванию благородной храбрости достойного героя, которое отразилось и в ветви посвященного детям словотворчества. Так, в частности, допустимо утверждать, что строка уже упоминавшегося нами адыгского автора К. Жанэ явно переходила из идеолого- публицистического пространства в более эмоциональную сферу. И именно на таком пафосно- патриотическом фоне К. Жанэ посвятил

внушительный акцент переключке поколений, но уже в чувственном тоне. Так, стихотворное произведение «Хочешь в космос, дедушка?» он строит на рекомендации старшему (деду) от повествующего мальчика (внука): мол, понимаю твои стремления к звездам и летательным аппаратам, но и меня пойми в моем фантазийном порыве, в моем поиске.

Ну, и наконец, третий мотив. Ребенок в адыгском доме испокон веков активно привлекался к трудовым занятиям. Соответственно этому настраивающая на труд педагогическая стратегия выступала незыблемой базой адыгской этнической образовательной среды. Так, к примеру, в изучаемых М.А. Шхабацевой величальных песнях, посвященных девочкам, адыги серьезную долю отводят их обязательному в будущем рукоделию, а, значит, – и почитанию труда, как нравственного стандарта. И потому общепризнанным в нашей науке считается утверждение (которое можно часто услышать применительно именно к К. Жанэ) о том, что в адыгской детской литературе детские авторы 30-х гг. XX в. основали атмосферу, как отмечает Б.Х. Лямова, «почитания труда взрослых и уважения к любознательности детей, к жизни живого мира вокруг человека, умения радоваться и беречь этот мир» [2, с. 26].

Упор в предыдущем нашем утверждении мы делаем на фольклоре, однако здесь продолжим сферу влияния. Несомненно, не могло здесь обойтись и без социальной и исторической среды, в которой находился становящийся автор. Как рассказывает он сам в одной из публикаций «Комсомольской правды» (1982, 6 марта), их, детей, в семье было пятеро. Довелось жить без отца. Красивый и веселый мужчина был репрессирован в 1932 г., причиной чего выступило наличие небольшой семейной торговой точки в пределах родного дома. Помещение реквизировали под почту, отца увезли, а малышам и матери осталось ютиться здесь же. Судьба же отца покрылась темной неизвестностью. Вот именно то, насколько матери удалось выстоять в таких нечеловеческих условиях, сохранить лицо и человечность (просим прощения за тавтологию) продолжало восторгать благодарного сына и не могло не проявиться в его стихах, адресованных ребенку в семье. Есть здесь и то же рукоделие, есть здесь и кулинария, но обязательны и слезы: «Трудно ей приходилось. Только никогда не говорила она об этом. А чтобы нас прокормить, плела мама корзины и циновки. Красивые, с затейливыми национальными узорами. Одно время было трудно с продуктами. Съедем на ужин по куску мамалыги, запьем водой, и хоть плачь, есть хочется. Тогда мама укладывала нас в большую кровать, садилась рядом и сказки рассказывала. Это, чтобы мы о еде не думали ... ».

Таким образом, как следует отметить в заключении, выделяемые нами в зачине мотивационные линии (семья, щедрость и благородство воина, труд),

основанные на фольклоре, отчетливо прослеживаются в текстах адыгской детской литературы. И это возможно просматривать и в будущем на живых произведениях адыгских национальных авторов первой половины XX в., повышая тем самым доказываемую в статье малую изученность проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьева Т.В. Литературное сегодня // Вопросы литературы. 2017. № 1. С. 90-114.
2. Лямова Б.Х. Значение поэзии К. Жанэ в становлении адыгейской детской литературы // Вестник АГУ. Серия 2. Филология и искусствоведение (ВАК). 2010. № 4. С. 25-27.
3. Татарова Ф.Д., Энеева Л.А. Нравственное формирование личности учащихся на ценностях произведений родной и русской литературы // Доклады АМАН. 2013. Т. 15, № 1. С. 100-105.
4. *Киримизе Жанэ* Пособие по адыг. лит. для учителей и учащихся сред. шк., преподавателей, студентов сред. спец. и высш. учеб. заведений / Чеучев Н.Ш., Шибинская Е.П., Чеучева Т.Д. Майкоп: Адыг. республиканское кн. Изд-во, 1995. 61 с.
5. Шхабацева М.А. Адыгские детские величальные песни // Вестник АГУ. Серия 2. Филология и искусствоведение (ВАК). 2016. № 4 (187). С. 226-230.

ABSTRACT

The article analyzes the Adyghe children's literature of the last century with an indication of its target facets, such as learning and motivation. Consideration of the first of them takes place with an emphasis on national literary criticism, but with the involvement of the opinion of modern Russian authors. The result of this review is the conclusion that the issue is poorly studied. The study of the motivational series is based on the model node put forward by the author in the beginning (family, generosity and generosity of a warrior, work). It is these motives that prompted folklore texts to appear that guide the authors of Adyghe children's literature at its early stage, which is seen in the article using specific examples from the works of I. Tsey and K. Zhane.

Keywords: children's literature, adyg, problem's researching, motivation.

Maikop state technological university, Maikop

© F.N. Khuako, 2019

АННОТАЦИЯ

В статье объектом анализа выступает адыгская детская литература прошлого века с указанием на такие ее целевые грани, как изученность и мотивация. Рассмотрение первой из них происходит с упором на национальное литературоведение, но с привлечением мнения современных российских авторов. Итогом такого рассмотрения оказывается вывод о малой изученности вопроса. Исследование мотивационного ряда строится на выдвинутом автором в зачине типовом узле (семья, щедрость и благородство воина, труд). Именно эти мотивы, побуждавшие еще фольклорные тексты к появлению, руководят и авторами адыгской детской литературы на ее ранней стадии, что просматривается в статье на конкретных примерах из творчества И. Цея и К. Жанэ.

Ключевые слова: детская литература, адыг, изученность проблемы, мотивация.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», Майкоп

© Ф.Н. Хуако, 2019